

СЕКЛЕРИЗАЦИЯ ИМУЩЕСТВА

Под такие международные третейские решения можно обанкротить полстраны

Николай Собакин

Всё чаще для получения контроля и разорения российских предприятий международными мошенниками используется схема захвата, опирающаяся на решения «комерческих международных арбитражных судов», находящихся где-нибудь в туманном Лондоне или Стокгольме. История международного мошенника Нессима Гаона и его фирмы Noga, носящейся сейчас по свету в поисках чего бы ей ещё арестовать из российской собственности, известна, вероятно, почти каждому россиянину. И неудивительно! В флибустьерском активе «Ноги» покупение на счета Внешэкономбанка, посольства России в Париже, скандальный арест парусника «Седова» со всем экипажем, открытые угрозы задержать самолёт Президента России, беспрецедентный и хамский срыв российского участия в Международном авиакосмическом салоне в Ле-Бурже...

«Секрет фирмы» прост и состоит из трёх пунктов. Пункт первый. Иностранный «инвестор» заключает неравный договор, поражающий в правах российскую сторону. Нужные условия обычно обеспечивает кто-нибудь из нашей стороны за «откат». Кстати, как правило, этот участник впоследствии выходит из игры и действительно «откатывает» со своим гонораром куда подальше. Ну а российская сторона, обезоруженная и связанныя по рукам и «ногам» этим договором, остаётся один на один со своим «инвестором». Далее пункт второй. Спустя какое-то время провоцируется конфликт, и следует (ну конечно же!) торжество западного правосудия — международный арбитраж, рассматривающий в качестве документа этот самый договор. А в качестве сопровождения победному маршу аферистов — раздалая вакханалии шантажа. Для лучшей связи с российской общественностью, надо думать. Эти три аккорда несложно запомнить и несложно повторить. Поэтому эпигоны у Гаона нашлись быстро.

Об одном из них «Версия» уже писала, и не раз. Это Алекс Секлер, 1957 года рождения, бывший гражданин СССР, а ныне гражданин Канады и Израиля, покинувший Родину и вернувшийся в 90-х поучаствовать в приватизации предприятий России и стран СНГ. Знание русского языка облегчало взаимопонимание со вчерашними советскими управленцами, и полюбовный «распил» предприятий щёл душа в душу.

Итак, частный случай закономерности. Никаких изобретений и индивидуальных находок, схема под копирку. Сначала международный мошенник (далее по тексту Мошенник) ищет эффективное российское предприятие (далее по тексту Предприятие), являющееся ключевым игроком на каком-либо своём рынке. Руководству Предприятия предлагается некий привлекательный совместный проект, а с директором договариваются лично о сумме отката. Далее директор втайне от своих акционеров подписывает некий кабальный для Предприятия договор. При этом в тексте договора делается так называемая «арбитражная оговорка», согласно которой все спорные вопросы по нему должны решаться Международным коммерческим арбитражным судом, находящимся в данном случае в Лондоне.

Условия договора позволяют Мошеннику завладеть Предприятие исками, удовлетворение которых неизбежно приводит к банкротству Предприятия и его переходу под контроль Мошенника.

Понятно, что в российском суде в силу фиктивности договора, скорее всего, будет признан недействительным. Однако изюминка схемы заключается в том, что, опираясь на арбитражную оговорку, Мошенник переносит рассмотрение дела в какой-нибудь третейский арбитражный суд за рубежом, где легко добивается принятия нужного решения на основании фиктивного по факту договора. А далее, размахивая Нью-Йоркской конвенцией 1958 года, требует от российских судов исполнения решений третейского суда без какого-либо рассмотрения дела.

В личных беседах судьи Высшего арбитражного суда России признают, что в российских реалиях «под подобные междуна-

родные третейские решения можно легко обанкротить полстраны».

Известно, что тёмные дела легче утрясаются под шумом. И новоявленный последователь Нессима Гаона об этом не забыл. В начале июня общественность, и не только юридическая, была взбудоражена появлением в самом центре Москвы рекламных щитов с не понятными для горожан то ли текстами, то ли лозунгами, адресованными высшим судебным чиновникам России. Акция чёрного пиара продолжалась чуть больше суток. В самом факте заказа не было бы ничего ни нового, ни особенно интересного (очередной перепев бессмертных образцов о толинге, БаоБАх и Роме с Семьёй). Если бы не фигура отправителя и соответственно получателя. Иностранный гражданин на площадях и улицах сердца нашей Родины города-героя Москвы пытается давить на судебную систему России.

Дальше — не меньше. На правах рекламы в центральных газетах за подпись Алекса Секлера, президента компании «Лираль» и владельца той самой «Реализационной базы хлебопродуктов № 1», от имени которой размещалась «наглядная агитация» на московских улицах, публикуется «открытое письмо» Президенту России В.В. Путину. Характерно, что в завершающем письме пассаже Секлер вспоминает о Гаоне, напомнив о нём и Президенту Путину в риторическом вопросе, больше похожем на прямую угрозу.

Кто же этот скромный «герой» и в чём его сила? Алексей Секлер, бывший советский гражданин — президент компании «Лираль трейдинг интернейшил эст», зарегистрированной в Лихтенштейне. Свой начальный капитал Алекс сколотил на посреднических операциях, одновременно оброс полезными связями как в среде будущей бизнес-элиты, так и в криминальных кругах. Путём последовательных действий взял под контроль «Реалбазу хлебопродуктов № 1» (крупнейший складской комплекс в черте Москвы общей площадью 60 тысяч кв. метров).

К этому же времени относятся первые контакты Секлера с Борисом Березовским, который впоследствии привлек Секлера для решения своих задач по финансированию отдельных бизнес-акций в Чечне. Деньги уходили через счета фирм Секлера, в том числе «Реалбазы хлебопродуктов № 1». На самой «Реалбазе» сменилось три генеральных директора, самый первый и наиболее информированный из которых (А. Ходурский) «скоропостижно скончался».

Свою схему захвата Алекс Секлер начал отрабатывать в казахстанском городе Джамбул. Там Алекс подписал договор о создании СП по производству пластиковых труб, не забыв про «арбитражную оговорку». Оборудование завезли, но благодаря умелым действиям инвестора его не внесли в уставной капитал. А позднее, уже оформив соответствующие бумаги, это же оборудование Секлер передал другому своему предприятию. Выиграв арбитражный процесс в Лондоне, Секлер переместил сферу своих «инвестиций» на Украину. Там, в Симферополе, он примерно таким же способом завладел 70 процентами акций завода «Сизакор».

В 1994 году, набравшись опыта на территории бывших братских республик, Секлер появился в Москве на «РТИ-Каучук», с директором которого — Виктором Чоповым — он был лично знаком через свою двоюродную сестру.

Гарантировав по накатанной схеме лояльность директора завода, в октябре 1994 года Секлер подписывает с ним договор о совместной деятельности, по которому стороны создают СП с равными паями. Российская сторона полностью выполнила свои обязательства, внеся оборудование на сумму 7,7 млн. долларов. Со стороны фирмы Секлера оборудование было внесено на сумму 4,2

Алекс Секлер
и Нессим Гаон:
найдите 10 отличий

млн. долларов, причём внесено только на бумаге. В реальности оно было отправлено, куда бы вы думали? Правильно. На склад «Реалбазы», дочернего предприятия Секлера. Потом Секлер ухитрился купить свою часть оборудования на деньги партнёра за счёт завышения цены общего контракта на поставку. В 1996 году истёк срок оплаты акций сформированного СП. В адрес фирмы Секлера было направлено уведомление с предложением оплатить часть уставного капитала либо перераспределить акции. И тут, мотивируя свой отказ тем, что он не может выполнить свои обязательства, Секлер предлагает ликвидировать СП.

Договор о выходе из общества подписывается гендиректором Чоповым без согласования с советом директоров. Впоследствии Московский арбитражный суд признал сделку Чопова — Секлера ничтожной. Однако арбитражная оговорка, предусмотрительно заявленная Секлером и Чоповым в тексте договора, позволила ему легко провести через Лондонский третейский арбитражный суд решение о взыскании с «РТИ-Каучук» более 15 млн. долларов, не считая процентов. Стоит ли говорить, что к этому времени директор завода, как и было предусмотрено по сценарию аферы, уже жил в славном городе Нью-Йорке.

А на родном заводе очень бы хотели задать ряд вопросов своему бывшему директору. Но за дальностью расстояний всё, что остаётся российской стороне, — это на правах рекламы опубликовать в «Известиях» открытое письмо ветеранов завода на имя Президента Путина: «Мы, ветераны московского завода «РТИ-Каучук», возмущены действиями бывшего советского, а теперь иностранного гражданина г-на Алекса Секлера, международного афериста и мошенника... Человек, ограбивший наше предприятие на несколько миллионов долларов, требует ещё 15 миллионов по решению лондонского Международного коммерческого арбитражного суда... Складывается впечатление, что старейшее в отрасли предприятие стало частью Британской провинции... Действия А. Секлера создают угрозу... для метрополитена и авиации, для поставок военной техники... Мы верим, что Вы не дадите секлерам уничтожить наше предприятие».

Несмешно!

По оценкам экспертов, общий рекламный бюджет, затраченный Секлером на компрометацию высших судебных чиновников и публикацию писем-угроз, уже достиг 500 000 долларов. Не может не настороживать сопоставимость этих сумм с ценой вопроса по конкретному делу. Возможно, речь уже идёт о пробивании самой технологии захватов, с расчётом на последующее массовое их тиражирование.

Если проблемы в законодательстве не позволят выработать юридический алгоритм противостояния подобным захватам, то по сравнению с общей суммой претензий, предъявленных российским предприятиям, жалкие попытки скандально известного Нэзеля Гаона арестовать самолёт Президента Путина во Франции на основании решения Стокгольмского арбитражного суда по делу фирмы «Нога» могут показаться детскими шалостями.